

Вологда. XXI век

СЕВЕРНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

*Литературно-художественный альманах
к шестидесятилетию
Вологодской писательской
организации*

к 1534441

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2021

ЛЮДМИЛА ЯЦКЕВИЧ

ВОЛОГОДСКИЕ ПОРТРЕТЫ

НЕ ПОТЕРЯТЬ НАДЕЖДУ

О книге Александра Цыганова «Помяни моё слово»

Недавно вышла из печати новая книга известного вологодского писателя Александра Александровича Цыганова «Помяни моё слово». Название книги – народная поговорка, на первый взгляд, довольно простая.

Яцкевич (Калачёва) Людмила Григорьевна родилась в Череповце. Доктор филологических наук, профессор. Училась в Череповецком пединституте. Работала в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском государственном университете. Автор научных публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе девяти книг. Участвовала в составлении «Словаря вологодских говоров», «Поэтического словаря Николая Клюева». Её книга «Очерки морфологии вологодских говоров» на областном конкурсе «Книга года» признана лучшим научным изданием. Автор сборника рассказов «Вологодская нива», на которую В. И. Белов откликнулся рецензией «Книга с вологодским характером». Живет в Вологде. Член Союза писателей России.

В «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова значение этого выражения так объясняется: 'будет так, как я говорю, предполагаю, думаю; выражение употребляется для того, чтобы уверить собеседника в правоте своих слов, предположений, мыслей' [8: 427]. В словаре определено основное значение поговорки, однако в живой речи её смысл может всё время меняться. Наши предположения и мысли о будущих событиях бывают как радостные, так и печальные. Да и говорят эту фразу люди по-разному: или с любовью, или, наоборот, со злостью, или с отчаянием, или с надеждой. Соответственно смысл и назначение этого выражения будет значительно изменяться в разных житейских ситуациях.

Если прочитать книгу А. А. Цыганова да задуматься над тем, о чём же она, то её название окажется вовсе не простым, а очень многозначительным и глубоким. Действительно, выражение «Помяни моё слово» встречается в этой книге несколько раз: в названии всей книги, в названии второго раздела этой книги, в названии рассказа и, наконец, в живой речи героев этого рассказа, старой матери и сына. Для них оно – знак родства, знак их возвращающейся из небытия общей жизни. Таким образом, данное выражение для автора книги очень дорого и является ключевым для всего повествования. Почему? Размышляя над книгой, я пришла к выводу: в этом названии книги, как и во всём её содержании, выражена глубокая мысль о том, что **прошлое, настоящее и будущее едины, неразрывны в сознании и памяти народа, в его языке, в его слове.** Русский народ это чувствует сердцем. Характерная для языка рассказов и повестей А. А. Цыганова насыщенность народными пословицами, присловьями и поговорками так же утверждает эту идею бессмертия народной жизни и его духа, выраженного в своём собственном самородном слове. Автор книги сокровенно передаёт нам, читателям, это единое житие русского народа, умирающего и вновь

воскресающего, вопреки всем невзгодам. Неслучайно Василий Иванович Белов обратил особое внимание на слова старой крестьянки – героини рассказа «Помяни моё слово», сказанные с блаженной радостью после перенесённых ею потрясений: *«Поди-ко, снова надо жить, раз такое дело»* [2: 5].

Подобное самочувствие русского народа нашло отражение в письме Ф.М. Достоевского, лично меня поразившем. Оно было написано 22 декабря 1849 года в Петропавловской крепости после того, как писатель пережил публичное объявление ему и другим петрашевцам смертного приговора, после подготовки к казни и неожиданной отмены этого приговора и затем нового приговора к сибирской каторге. Молодой Ф.М. Достоевский нашёл в себе силы в этот же день написать брату: *«Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и оставаться им всегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не упасть – вот в чём жизнь, в чем задача её»* [3]. Эти мужественные слова нашли отклик в душе Игоря Цыплакова, главного героя повести «Вологодский конвой», после всех испытаний в первые дни работы начальником отряда в колонии усиленного режима. Кульминацией тяжёлых событий стал пожар в библиотеке, где он несколько дней назад увидел бюст Достоевского и взял для чтения его «Дневник писателя». Чудом минуя смертельную опасность, Игорь спасает бюст писателя из пламени. Этот поступок у одних вызывает негодование, у других усмешку непонимания, и только некоторые свидетели улавливают символический смысл его рискованного поступка [9: 340]. У Достоевского Игорь Цыплаков нашёл эти особые слова, что дают человеку силы жить и надеяться даже в самом бедственном положении. Молодой неопытный воспитатель отряда преступников в колонии усиленного режима, подавленный вначале тяжестью тюремного бытия, обнаружил в «Дневнике писателя» и такое обнадеживающее его размышление:

«У нас есть, бесспорно, жизнь разлагающаяся, но есть, необходимо, и жизнь, вновь складывающаяся на новых уже началах. Кто их подметит и кто укажет? Кто может определить и выразить законы и этого разложения, и нового созидания?» [9: 328].

Представление о жизни у православных людей очень широко, а писатель А. А. Цыганов – человек православный. В христианском понимании жизнь человека не заканчивается могилой, после смерти начинается новая жизнь в мире духовном: «У Бога все живы». В вечно живой душе человека всегда ощущается эта невидимая связь с Богом. Поэтому своих героев А. А. Цыганов всегда изображает одновременно в земном и духовном видении. Это проявляется в самом сюжете его произведений (например, в таких, как «Защитник Отечества», «Три свечи», «После дороги», «Под сосною, под зелёною», «Помяни моё слово», «Вологодский конвой»), которые только на поверхностный взгляд кажутся фантастическими и мистическими. Я думаю, это вешее сердце автора видит своих героев и все события, случающиеся с ними, в едином поле пророческого зрения. Критик В. Н. Бараков отмечает: «Его мистицизм – не мистицизм вовсе, просто автор, погружаясь в глубины реальной действительности, творчески познаёт её. Если Рубцов слышал «печальные звуки, которых не слышит никто», то Цыганов оком художника видит печальные картины, сокрытые от простого «житейского» взгляда» [1: 372]. Но и простой «житейский» взгляд обычного читателя нередко начинает несмело проникать вслед за писателем в тайну бытия, но сразу не может переступить грань нового для него, непривычного художественного восприятия, поэтому и задаёт вопросы (мне лично их задавали): «Что это было? Фантазии автора? Или это и на самом деле бывает в жизни?» На эти вопросы я бы ответила так: да, так бывает на самом деле. Только мы часто этого не замечаем, потому что не хотим и боимся заметить. Нас отвлекает суета сует. Именно поэтому мы становимся читателями А. А. Цы-

ганова не сразу, а постепенно – по мере того, как мы учимся внимать своему сердцу и через его око смотреть на жизнь и познавать людей, о которых идёт речь в его произведениях.

Только человек, мужественно прошедший испытание болью и несчастьем, воспринимающий жизнь не только разумом, но и душой и сердцем, способен не испугаться и приблизиться с сочувствием к чужому горю, искренне разделить чужую беду. К сожалению, многим современным писателям такое самочувствие незнакомо. Их нередко увлекает занимательный сюжет и спасительная ирония, от которой не болит сердце. Но не таков стиль произведений А. А. Цыганова. Он откровенно страдает вместе со своими героями, вместе с ними совершает мужественные поступки или ошибается, расплачивается за эти ошибки душевной болью. Его герои во время беды, войны или душевной смуты проявляют невероятную волю к жизни и духовное мужество, чтобы снова жить. И, конечно, все они никогда не теряют надежды. Неслучайно А. А. Цыганов поставил эпиграфом к первой части повести «Вологодский конвой» слова из упомянутого выше письма Ф. И. Достоевского: *«Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте»* [9: 321]. Сохранить дух и сердце в чистоте наставляла Игоря Цыплакова, главного героя этой повести, его мать, когда узнала, что его направляют работать начальником отряда осужденных в колонию усиленного режима. Её материнское сердце чувствовало, какие жестокие испытания ждут сына. Советы матери нашли выражение в народных пословицах: *«С совестью не разминуться. ...А добрая совесть – глаз Божий. Ясны очи»* [9: 339].

Эта мысль, по-разному выраженная в сюжетах и судьбах героев, звучит во всех рассказах и повестях книги А. А. Цыганова. Обратимся к наиболее запомнившимся образам из его произведений. Главная черта характера его героев, собственно, русская черта, – это духовная сила терпения. Именно духовная сила. Терпению

ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысл, поэтому святые люди – самые терпеливые. Терпению учит тяжелый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению учит материнство – поэтому настоящие матери самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, *«любовь долготерпит, ... все переносит»*. Кто прошел одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А, по Евангелию, *«претерпевший до конца – спасется»*.

Что же такое терпение? Святитель Игнатий Брянчанинов так кратко определил его: *«Терпение – дом души, смирение – её пища»* [б: 400]. Значит, нетерпеливая душа – бездомна, а лишенная смирения – всегда голодна. И одно с другим прочно связано. При этом можно иметь деревянный или кирпичный дом, или даже хоромы, а душа при этом все равно будет бездомна. Можно и есть сытно, и гордо повелевать другими людьми, а душа все равно будет голодна! Размышления святителя Игнатия, изложенные в его богословских сочинениях, проистекают из его духовного опыта и христианской традиции. Писатели также приобретают духовную опытность, если их творческий дар обращен к правде жизни, к ее высшему смыслу. Характеры и судьбы героев рассказов и повестей А.А. Цыганова с художественной очевидностью показывают нам, как человек благодаря терпению достигает духовной силы. И, с другой стороны, писатель раскрывает гибельность нетерпения.

Героиня рассказа «Ночью месяц пёк» – бесстрашная терпеливая хранительница родного дома, которая *«с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше»* [9: 278]. Образ старой русской крестьянки предельно конкретен, хорошо узнаваем, то есть

типичен для вологодской деревни. Не случайно в рассказе постоянно употребляются местные вологодские слова (*месяц пёк, кирилловская трехрядка, отводок, дювья, баской*) и топонимы родного для А. А. Цыганова Кирилловского района (*Славянка, Иткольское*). Вместе с тем, это символический образ, ведь автор даже не дал своей героине имени, называя ее или *она*, или *одинокая женщина в белом одеянии*. Как это и характерно для символа, образ этой героини построен многопланово. Пространственный крупный план – это описанная в мелких бытовых подробностях обветшавшая изба старой женщины, заросшая усадьба. В дальнем плане просматривается северная деревня с заброшенными домами, из которой ушли все люди кроме этой одинокой хранительницы родного крова. А дальше воображение рисует всю деревенскую Россию...

Временной крупный план изображает подробно все события тревожной ночи, которая могла быть последней для героини, а значит, и для ее дома, и для всей этой деревни... А потом, может, и для всей крестьянской Руси! Такая мысль формирует дальний временной план изображаемых событий.

Однако, кроме тревожного настоящего и предполагаемого гибельного будущего, в сюжете этого рассказа есть прошлое, картины и события которого проливают свет на происходящее и помогают его осмыслить в духовно-нравственном ключе. Автор не ищет виновных, не берется решать социально-политические вопросы, хотя они невольно всплывают в сознании читателя и вызывают горечь. Автор просто изображает, как шла жизнь в северной русской деревне последние полвека, и беспощадно правдиво показывает тьму и свет крестьянского мира.

Да, вряд ли можно рассказать о сокровенном житии русской деревни чужому человеку!.. А вот писатель А. А. Цыганов сумел рассказать об этом, доверчиво надеясь, что его читатель – свой родной человек, который поймет его. Только все ли его услышат? Ведь чтобы

понять крестьянскую жизнь, нужно терпеливо прожить ее или с любовью прикоснуться к ней. Для этого нужно быть христианином (напомним: имя *крестьянин* произошло от слова *христианин*). Именно такой христианкой была главная героиня рассказа «Ночью месяц пёк». Ее терпение и молитва победило послевоенное ожесточение и дикость мужа, и он стал *хозяином* – так его постоянно называет автор в рассказе. Она победила своим мужеством и духовной силой ночных поджигателей, посланных чужими людьми уничтожить ее дом. Она твердо верит, что Господь ей поможет, и поэтому неустанно молится.

Жизнь русской деревни в XX веке была и страшной, и светлой, потому что она стояла на самой передовой линии духовной смуты. Крестьяне дольше городских жителей хранили в душах веру православную, трудолюбие и терпение, но когда начали их терять, тогда-то и наступили темные времена разорения северной деревни под натиском чужой беспощадной воли. Героиня рассказа – *последняя* хранительница этого истока Руси. Вот это самое страшное. Но не хочется верить, что это последний рубеж. Если народ сохранит дом своей души – терпение, то тем самым сохранит и Россию – наш общий дом. А пока с каждым днем деревня сиротеет все более и более.

Печальная тема трагического сиротства и бездомности современной северной деревни звучит во многих рассказах писателя. Обратимся к рассказу со странным названием «*Ерпыль*». Это местное деревенское слово с очень древним корнем вряд ли известно городским читателям. В самом конце повествования о горькой судьбе нетерпеливого блудного сына автор дает ему народную оценку: «*ерпыль – так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру*». Русский народ всегда ценил терпение и порицал нетерпеливых, что нашло свое выражение в его языке. В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что у слов *терпение* и *терпеть*, кроме основных значений, есть и другие по-

ложительные оценочные значения: *терпеливый* – значит «пригодный, подходящий к чему-либо, для чего-либо», *терпеть* – значит «сохраняться, не портиться». Но *терпеть* еще значит и «страдать, мучиться», поэтому от этого слова образовались слова *терпеливец* и *терпеливица* – это «об очень терпеливом человеке». Для обозначения нетерпеливого человека в русских народных говорах есть много слов (*зуда*, *сулема* и др.), вот и *ерпыль* имеет однокоренные с ним слова *ерпеца*, *ерпеса*, *ерпесило*. Все они имеют пренебрежительную окраску. Трагизм бездомности героя, которого автор назвал *ерпыль*, потрясает. Если библейский блудный сын все-таки нашел силы вовремя вернуться в родной дом отца, то вологодский блудный сын спохватился слишком поздно. После многолетних скитаний по чужой стороне он возвращается в родную деревню, но она встречает его не теплом родного очага, а космическим холодом, стылой пустыней и снежной бурей. Героя охватывает тоска, ему страшно внимать вою ветра в этой пустыне: «перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдающего по обычному, никогда неизбывному участию, нашему теплу» [9: 265].

Терпение во имя высокого предназначения сопряжено всегда с выдержкой и мужеством. В славянском языке *терпеливый* значит и «сильный, могучий», и «мученический». Именно в таких значениях употребляется это слово в славянском переводе Библии. Именно об этих смыслах терпения повествует рассказ А. А. Цыганова «Под сосною, под зеленою». Его герой, бывший разведчик, ныне одинокий, старый и, на первый взгляд, слабый человек, который «готов сидеть день-деньской» в кафе в окружении мужского общества, так как ему после смерти жены отчаянно одиноко «в своей пустой однокомнатной панельке». Он не пьет вина, обычно молчит, так как к нему здесь относятся насмешливо и

называют «Слава-разведка». Вот и в этот день шумная компания ему кричит: *«Слышь, разведка? Еще не всех врагов повязал? Колись, боец!»* [9: 121]. Однако именно этот человек в этот же день вечером мужественно защищает свое человеческое достоинство от приезжих жестоких бандитов, напавших на него недалеко от его дома на безлюдной окраине Вологды. Только терпение и выдержка помогли ему справиться с леденящим душу страхом. И в этот момент духовного возвышения на помощь ему приходит сам Господь: *«Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло»* [9: 127]. Обстоятельства неравной схватки складываются так, что два бандита погибают: один, поскользнувшись, напоролся на собственный нож, а второй, в темноте и в состоянии бешенства, – на толстый сук сосны, под которой происходило нападение на старого разведчика. Третий бандит бросается на ослабевшего старика и пытается задушить его *«славинской родительской тесемкой от нательного креста»*. *«И тут все, что осталось в Славе, ходуном заходило: как-то это было совсем уж не по-русски – последний бой проигрывать»*... И он побеждает, хотя и умирает в этом последнем бою: *«И Слава-разведка, недвижимый, продолжал глядеть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно и манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой зябкой земле, – к себе, в долгожданный покой и отдых»* [9: 134].

При внимательном чтении этого рассказа обнаруживается, что за его сюжетом стоит очень многое, что связывает главного героя с русской православной традицией. Главное – это его способность к терпеливому мужеству. В доказательство привожу мысли жившего в XVIII веке святителя Тихона Задонского о терпении, которое проявляет человек в тяжелых и опасных обстоятельствах: *«Терпение мужественным и непобедимым*

делает человека. Может терпеливый лишен быти всего, ... может убиен быти, но победим быть не может. Ибо крепость его не телесная, но духовная есть: телом побеждается, но духом непобедим бывает, ... и тако над всеми своими врагами духом торжествует» [7: 137].

В творениях святителя Тихона Задонского звучит гимн терпению: *«О! блажени те дома, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно более сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены» [7: 1039].* В рассказах А. А. Цыганова тоже звучит этот древний русский гимн.

Далее обратимся к рассказу Александра Цыганова «Садовник». Это современная притча, написанная с библейской глубиной постижения мира. Писатели и поэты обладают способностью видеть красоту и истину там, где другие проходят мимо, ничего особенного не замечая, кроме картины обыденности. В своё время Гёте кратко определил эту способность так: *«Красота – в глазах смотрящего» [4: 62].* Христианская эстетика считает: талант видения красоты определяется способностью человека к любви. Выдающийся мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский пишет: *«Для того чтобы видеть красоту человека там, где другие её не замечают, достаточно полюбить его». И тогда мы не только его внешний облик замечаем, а «видим сквозь это сияние личности» [4: 66].*

Писатели нередко болезненно переживают уродства нашего мира. Они следуют завету Н. А. Некрасова: *«То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».* Но если безоговорочно опуститься в пучину ненависти, то и любить можно разучиться. Можно и ослепнуть, и красоту мира не увидеть.

В рамках критического реализма этому противоречию не найти решения. Всех нас слишком долго учили только ненавидеть, а любить предлагали фальшивые ценности, поэтому многие из нас утратили чувство красоты. Христианский взгляд на человека открывает

писателям другой путь познания жизни: *«Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели или достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить»* [4: 59].

Писателей, одарённых таким духовным видением, в наше время немного. Один из них – Александр Александрович Цыганов. Сюжет рассказа «Садовник» даёт повод некоторым критикам снова упрекнуть писателя в мистицизме. Но этот термин многозначен и вряд ли подходит для характеристики творчества Цыганова. Писатель использует палитру критического реализма, но это для него лишь вспомогательное средство. Главное, что определяет художественное видение автора и на что постепенно настраивается взгляд внимательного читателя, это его **духовный реализм**. Тот самый метод письма, который был освоен ещё гениальными творцами XIX и XX веков: например, Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Пиковой даме», Лермонтовым – в «Демоне», Гоголем в «Петербургских повестях», Достоевским в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», Шмелёвым – в «Лете Господнем», Булгаковым в «Мастере и Маргарите», В. Распутиным в рассказе «Наташа».

На первый взгляд рассказ «Садовник» – это всего лишь жанровая зарисовка. Как обычно у А. А. Цыганова, в повествовании всё узнаваемо: улицы, церковь, рынок, набережная, ларьки и киоски города Вологды. Вологжанин смог бы провести экскурсию по маршруту движения главного героя. Реалистически изображены типы горожан, с которыми встречается герой. Зоркий глаз писателя точно определяет характеры людей и создаёт индивидуальные художественные портреты всех участников драмы. Но это всего лишь панорама, на фоне которой и происходят главные события. А дальше включается глубинное измерение души героя и его поступков, то есть выясняется его духовная значимость. Главную роль в раскрытии этой стороны содержания рассказа играет композиция, которая придает повествованию звучание трагической симфонии.

В рассказе используются различные имена и названия главного героя. Сначала он назван нейтрально по фамилии и роду занятий: *Горелов – сторож в кандейке* (в винном магазине). Фамилия и профессия говорят о том, что это человек с неудавшейся и, видимо, трагической судьбой. Об этом же свидетельствует и его внешний вид: *«Под сорок уже, а на вид и того больше: давно не брит, волосы не стрижены, вдобавок еще все старое на нем надето. И пальто, и штаны, и пиджак. А у шапки одного уха совсем нет, оборвалось. Бывает, какую-нибудь зловредную дырку, что совсем на виду, закропаешь, как умеешь, и дальше бегаешь. Может, и рад бы в новое обрядиться, да с такой зарплаты быстро закукуешь. Но это еще ладно, платите хоть вовремя и то бы хорошо. Думают, сторож в кандейке, так уже не человек?»* [9: 234]. Таково первичное поверхностное представление о герое. Для чёрствых и озлобленных людей этого достаточно, чтобы называть Горелова *бомжом, тронутым, дворником-лентяем, гадом*. Даже его гибель при спасении девушки эти холодные люди трактуют как самоубийство и считают: *«пьяница какой-нибудь или с ума человек сошел»*. В городе оказалось мало людей, жалеющих этого неприкаянного жителя Вологды. Однако и продавщица, и старушка в церкви, которые ласково обращались к нему *молодой человек, милоч*, не поняли его.

Холод царит на улицах города, он страшен герою, так как у него нет от него защиты. Ещё больший холод царит в людских душах, он-то страшнее уличного мороза. А теперь обратимся к внутреннему голосу героя, обратим внимание на его слова и поступки. Он незлобив, кроток, честен: *«И что с того, если иногда возьмут да бомжом на улице обзовут, сорвется с языка. Не на таковских напали, гореловская порода другая: чтоб с протянутой рукой на люди сунуться, это уже надо особенную натуру иметь. Все нынче на одно лицо – и те, что торгуют на каждом углу, и те, что деньги у каждого встречного без зазрения совести морщат.*

Раньше тоже всяко жили, но ведь этого не было – откуда что и взялось?» [9: 234].

У Горелова, несмотря на страшную нищету и неустроенность, сохранился внутренний духовный стержень, личное достоинство: он не суетится и не вступает в непристойную борьбу за какие-то жалкие бытовые приобретения. Автор повествует: *«...ему давно хватало кружки горячего чая и куска хлеба. Там, где он проживал, о первом и втором мечтать не приходилось: в зареченской коммуналке, как в общем вагоне, если не хуже. К плите не подступиться: очередь с утра до вечера вперемежку с пьянкой на том же месте. Да и без ругани с мордобоем не обходится. Какое домой идти. Вот и сейчас не тянет. Хоть мороз на улице, а лучше по городу пройтись» [9: 231].*

Герой А. А. Цыганова поражает тем, что, постоянно сталкиваясь с уродствами нашей жизни, преодолевает их и выходит «за пределы уродства к иному видению» [4: 134]. Так, грубого, сытого и подвыпившего молодого парня в богатой дублёнке, который его оскорбляет, приняв за нерадивого дворника, он не презирает, не вступает с ним в бесполезный спор, а пытается привести в чувство и говорит добродушно: *«Земляк, я такой же прохожий, как и ты»*. Но его не слышат, и это не его вина. «Я бы сказал здесь то же, что было сказано о красоте: уродство – в глазах смотрящего» [4: 134]. Фраза *«Земляк, я такой же прохожий, как и ты»* выражает главный жизненный принцип человека, живущего по христианским заповедям. И она по-евангельски многозначна и глубока.

В окружении постоянной несправедливости и грубости душа героя скорбит. Бездна отчаяния звучит в его словах: *«На душе и без того худо. Тошно: как по рукам-ногам связали и в колодец без дна бросили» [9: 232].* Тем более удивительны и трогательны милосердие и щедрость этого нищего и униженного людьми человека. Никому ненужный в своей горемычности, он, тем не менее, помогает, чем может, всем, кого встреча-

ет на своём пути: утешает растревоженного дедушку, счищает лёд на крутой лестнице, чтобы люди не расшиблись, пытается в церкви передать через служительницу деньги чужой девушке, чтобы она не совершила опрометчивого безрассудного поступка. Особенно поражает милостыня, данная дважды из последних денег, таджикским женщинам, сидящим с детьми на морозе прямо на земле: *«Возле нового магазина в гирляндах цветных шариков и с надписью «Мы открылись!»*, снова оказалась тоскливая фигура в стеганом полосатом халате со склоненной головой и протянутой ладошкой – голый, потрескавшийся на морозе. Тогда Горелов, сжав зубы, выгреб остатки денег, на глазок разделил пополам и половину сунул нищенке, а после, не выдержав, перешел на другую сторону улицы. И сколько бы он ни старался, так и не услышал, что думали эти полубомброженные женщины. Наверное, они давно уже ничего не думали» [9: 235-236]. Все эти поступки тревожат, как-то теребят наши равнодушные души и заставляют устыдиться своей чёрствости. Дважды спасает Горелов встретившуюся ему на рынке девушку-старшеклассницу: сначала от бесчестья, а потом – от смерти. Это юное существо погибало от страсти, типичной для современных школьников: *«Ну, я вам устрою, – бездумно глядя глазами, полными слез, на холодные киосковые стекла, негодовала школьница. – Блин, прикольно: смартфон им жалко купить! Все наши уже по второму сменили, а мне фигу показали: потерпи немного, сейчас не можем! Потерплю, потерплю, не расстраивайтесь: такое вам устрою, потом и рады бы все отдать, да только поздно будет!»* [9: 236]. Горелов спасает бросившуюся под автомобиль девушку, но сам погибает...

Во всех этих событиях последнего дня героя он выходит, как мы уже подчеркивали, за пределы уродства мира к иному видению. На обывательском уровне все поступки Горелова кажутся неправдоподобными или бессмысленными. Иные скажут мне: «Таких людей нет! Да и не нужны они вовсе!» Смею возразить: такие

люди бывают и такие люди нужны, так как их личность создана по образу и подобию Божию!

Свидетельствую, что среди моих деревенских родственников были такие люди. Они были готовы взвалить на себя твою ношу, накормить последним куском хлеба, отвлечь от беды. Я их помню поимённо. Они победили в страшной войне, многократно совершая подвиг самопожертвования. И сейчас такие люди есть, так как наши современники – от корня тех родных нам соотечественников.

Говорить в заключение такие высокие слова справедливо и уместно, так как весь рассказ-притча А. А. Цыганова пронизан евангельским духом. Читая его, вспоминаешь евангельские заповеди и притчи, например, о лепте вдовы, о блуднице, в которую никто не смог бросить камень, о милостивом самарянине. И, наконец, вспомним о *садовнике*. Так сам герой назвал себя, по какому-то внутреннему чувству. Так же назвал автор свой рассказ. И это не случайно. Этот человек исполнил многие евангельские заповеди и, таким образом, уподобился Христу, которого в Евангелии символически называют *Господином виноградника* (Лк 20: 9-16), или *Садовником* (И 20:15-16).

А. А. Цыганов удивительным образом передаёт момент подвига-самопожертвования своего героя как очищение от тёмного начала в человеке и полёт души в бесконечное пространство света:

«Но еще раньше, успев все-таки понять, что такое чужеродное сидело в нем, – Горелов уже точно знал, что́ станет делать дальше. И тогда, как будто это услышав, что-то дегтярно-блестящее с ревом вышло из его нутра вон, спасительно освободив душу от непосильной маеты. А он сам тотчас прыгнул, оттолкнув от проезжей части вздрогнувшую школьницу прямо к самым деревьям, что тёплой порой не иначе, как самым настоящим райским садом и не обозвать из-за неизменно благоухающей, буйно-неукротимой зелени...

Горелов видел свое тело с разбросанными руками и разбитой, раздавленной головой, со свивающимися

сосульками красных волос. А следом нечто светлое подняло его уже неосязаемую светящуюся оболочку высоко-высоко, но будто все его, гореловское, светлое, не отставало кричать и кричать, невесомо уходя в за-предельные невозвратные дали. Только уж если там, на земле, никто не хотел слышать – кто же теперь услышит оттуда – из света?» [9: 240].

Последняя фраза выражает горькую истину – мы не видим красоты человека при его жизни. Для этого он должен сначала умереть. Но и этого часто бывает мало.

В рассказе «Садовник», несмотря на его трагический конец, автор снова ясно выражает самую важную для него мысль о том, что есть в нашей современной жизни люди, которые *«с совестью не разминулись»*, не потеряли надежды и сохранили свой дух и сердце в чистоте. Поэтому вместе с писателем А. А. Цыгановым мы уверены: *«Много дней впереди, много и позади. Но помрут и внуки наши, а конца этой песни не дождутся; и, вспомнив теперь всё происшедшее, передо мной будто бы на миг приоткрылось таинство изначальное, и зрятя сейчас слова моего великого Собеседника, – чтоб жить да молодеть, добреть да радоваться!»* [9: 339].

Литература

1. Бараков В.Н. Река невидимого духа // Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018.– С. 371–373.
2. Белов В.И. На взлёте // Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.Н. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018.– С. 5.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя.– М.: Азбука-Классика. 464 с.
4. Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности.– М.: «Никея», 2017. 192 с.
5. Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Издание Московского Данилова монастыря, 2006.– 1152 с.

6. Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. Творения. Книга 1: Аскетические опыты / Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский.– Москва: Лепта, 2001.– 865 с.

7. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн (Маслов).– Москва: АОЗТ «Самшит», 1996.– 1180 с.

8. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка.– М.: Астрель, АСТ, 2008.– 828 с.

9. Цыганов А.А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В.И. Бараков] – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018.– 374 с.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПРОЗА СЕРГЕЯ БАГРОВА

О новой книге писателя «Короткая передышка»

Когда читаешь повести и рассказы Сергея Петровича Багрова, кажется, что ты оказываешься в прибранной с любовью, чистой и светлой горнице, где веет свежий воздух, где душа чувствует особую защищённость и родство с людьми, которые в ней живут. Хозяин этой горницы добр, но и строг, в нём чувствуется уверенность, что всё доброе возрастет, а всё недоброе – искоренится.

Подобные произведения, эмоционально и духовно воздействующие на читателя и создающие у него особое состояние души, литературоведы называют лирической прозой. Но, как и любой термин, это название очень ограничено и обобщённо определяет суть подобного художественного стиля. Возникает потребность в конкретной характеристике особенностей мастерства писателя. Именно поэтому мы и начали размышления над его новой книгой с картины – символа того впечатления, которое возникло в нашей душе при чтении его рассказов и поэтических миниатюр. Причём, отметим, что лиризм писателя Багрова связан не только с изображением эмоционального состояния повествователя

или его героев. Источником этого лиризма является то собственно народное самочувствие, которое витает в его произведениях и передаётся писателем неуловимым образом. В наше тревожное и суетное время мы начали терять этот спокойный, добродушный и уверенный тон, характерный для состояния русской души. Поэтому, читая рассказы и очерки С. П. Багрова, начинаешь напивать своё сердце и ум спокойной духовной силой.

Эта душевная гармония возникает, когда человек чужд суеты ума. Святитель Иоанн Златоуст задавал вопрос: *«Что такое суета ума?»* – и отвечал: *«Занятие суетными предметами»*. Далее он поясняет: *«Послушай, возлюбленный! Не дела Божии назвал Екклесиаст суетными, отнюдь нет: не небо суетно, не земля суетна, нет! – Ни солнце, ни луна, ни звезды, ни наше тело. Ибо все это – добро зело»*. Златоуст называет суетой погоню за богатством, почестями, гордостью, тщеславие, высокомерие. *«Почему, однако ж, это суетно? – Потому что не имеет никакой доброй цели»* [2].

Нет суетности ума у героев рассказов С. П. Багрова, простых жителей северных деревень, сёл и небольших городов. Нет суетности и в самом повествовании писателя о их жизни. Отсюда возникает чувство соучастия к их судьбе, к их миру: как будто встретил на страницах его книги своих родных и близких людей и увидел до боли сердечной знакомые пейзажи своего детства и юности.

* * *

В творчестве Сергея Багрова лирическая проза представлена в различных жанрах: это и лирические отступления от повествования, это и стихотворения в прозе, кроме того, лиризм пронизывает эпические сюжеты рассказов Багрова.

В данной статье мы обратимся к его лирическим миниатюрам, их в книге С. П. Багрова пятнадцать. Как поэт и философ, писатель созерцает Божий мир в самых прекрасных его проявлениях на восходе и на

закате. «Вечер и утро особенно благодатны» [3: 17-23]. Его стихотворения в прозе «Божья милость» и «Иду-у» продолжают православную традицию русских поэтов, лирические произведения которых восходят к молитве «Свете тихий» [4: 122-143]. Чистой душой писатель встречает восход солнца июльским утром и благодарит Бога за вновь воскресающую жизнь:

БОЖЬЯ МИЛОСТЬ

Дивно было увидеть в ночи, как встаёт из земли, без лучей, без сиянья, огромное алое солнце. Такое бывает только в начале июля. Чёрные крыши домов, застывающая листва, пролетевший с мышью в когтях хищный филин.

Нет. Земля не погасла. Не к смерти она подбирается – к воскресению. И спасёт её, как всегда, тихий свет, разливающийся над миром. Православный народ называет его:

– Божья милость...

Молитвенному созерцанию заката лета и начала осени, когда, «есть в осени первоначальной короткая, но дивная нора» (Ф. Тютчѳв), посвящено стихотворение С. Багрова «Иду-у!» [1: 185]. В книге оно напечатано как прозаический текст, однако в нём есть стихотворный ритм, он представляет собой поэтический период, части которого соединяются анафорическим повтором слова *когда*. Весь текст членится на строки, в соответствии с паузами, когда мы делаем остановку и осмысливаем предыдущие строки и готовимся к последующим. Эти паузы при чтении стихотворения совпадают с ритмом нашего сердца и дыхания. Покажем это, записав этот текст поэтической строфой:

ИДУ-У!

*Земля прекрасна на закате лета.
Но ещё прекраснее
В плену осенних дней,
Когда вблизи чернеющей реки
Висят, как паруса, прохладные туманы.*

*Когда сторожко, как карась,
Крадёт по реке не вспугнутое солнце.
Когда, кивая хохолком,
Летит к рябине бойкий свиристель.
Когда на избяном стекле танцуют
Быстрые лучи.
Когда в просторы солнечных полей
Спускается полуденный покой.
Когда, как откровение,
Вдруг открываются ворота неба,
И в них ты видишь чистое лицо
С глазами Бога,
Который тщательно рассматривает нас,
Дабы понять,
Кому он в этот миг всего нужней.
И кто-то с колотящимся от счастья сердцем
Услышит среди сонма звуков
Негромкое, но чёткое:
– Иду-у!*

В стихотворении мастерски используется особый приём ритмической композиции, который обозначают музыкальным термином «каденция». Во время каждой мгновенной паузы содержание текста, его смысловая вязь не прерывается, а наоборот, усиливается. Словесный текст закончен, а его смысл продолжает звучать в душе. Всё это создаёт молитвенное настроение при чтении этого произведения.

В творчестве С. П. Багрова есть не только радостные созерцания Божьего мира, как в рассмотренных выше стихотворениях в прозе, а также в подобных им – «Связь» [1: 197], «Лилипуты» [1: 196]. Есть у писателя и горестный взгляд на печальный вид нашей родной матери-земли, брошенной и забытой её суетными детьми. Писатель пристально всматривается, чутко вслушивается и слышит её стон. Именно так называется одна из лирических миниатюр [1: 197]:

СТОН

*Неубранный хлеб. Целую ночь он стоял, опрокиды-
ваемый метелью.*

Унялась непогода к утру. Светло и бело.

По полю от окраины города к алой заре побежала лыжня торопливого человека. Манила его прогуляться по полю девственно-белая бесконечность. Идти бы по ней и идти, принимая душой чистоту и свежесть первого снега, да мешал громкий скрип. Казалось, не снег скрипел под его ногами, а колосья поваленного ячменя, на помощь к которым никто не пришёл, и они, как наказанные, стонали.

Здесь нет прямой критики, как это бывает в публицистике, хотя тема затронута очень злободневная. Но есть боль за родную землю, за уничтоженное рачительное крестьянство. И такая печаль затронет сердце любого русского человека и вызовет ответную боль, что гораздо сильнее и, надеюсь, действеннее публицистических обвинений и упрёков. Таков стиль нашего вологодского писателя Сергея Петровича Багрова!

С каждым годом эта печаль и нешуточная тревога за родную землю нарастает. Одно из стихотворений в прозе так и называется – «Непокой» [1: 238]:

Великое русское поле, поросшее юным лесом, чертополохом и лебедой. Здесь когда-то работали агрегаты, выращивая хлеба. А теперь тишина. Лишь глубокой осенью среди дикой травы, поднимается что-то бывшее, трудовое. Может быть, это тень забытого труженика полей, кого разбудил непокой, и он встал, чтоб понять: будем жить мы на этой грешной земле? Или – нет?

Неспокойная тишина. Неожиданно в лоне её что-то чутко зашелестело, как от лопастей хлебной мельницы, запустил которую тот, кто опять становится хлеборобом.

Неужели такое не сбудется? – спрашиваем себя. И молчим, принимая действительность полным сердцем.

Размышляя над этим небольшим, но проникновенным произведением С. П. Багрова, я подумала, что оно

по духу перекликается в истории русской литературы с эпохальным романом М. А. Шолохова «Поднятая целина». А что если эта заброшенная земля снова станет поднятой целиной?!

Да, конечно, сейчас иные времена и иные беды, но всё та же русская земля и всё тот же русский характер... Рано их проклинать и хоронить! Именно поэтому русская литература, как плодородная почва, по-прежнему рождает новых и новых писателей, верных сынов своего Отечества.

*Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота,
И в памяти нашей лишь радуг цвета.*

(Николай Клюев)

Литература

1. Багров С.П. Короткая передышка: рассказы и очерки / Сергей Багров.— Вологда: Сад-огород, 2019.— 359 с.

2. Иоанн Златоуст. Толкование на послание к ефессянам // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константино-польского, в русском переводе. Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1905. Том 11. Книга 1. С. 5–218.

https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolk_67/12

3. Флоренский П. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли / П. А. Флоренский.— Москва: Правда, 1990.— 447 с.

4. Яцкевич Л.Г. Православное слово в творчестве вологодских писателей. Науч. ред. В.Н. Бараков.— Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2019.— 388 с.

«ПОЛОН МИР НЕСБЫВШЕЙСЯ ЛЮБВИ»

(Размышления о поэзии М.И. Карачёва)

Все дарования без любви – ничто (1 Кор. 13, 1-2). Этими апостольскими словами можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Автор,

переступивший эту черту и утративший способность любить, теряет эстетический вкус и нравственное чутье. Светоносный алмаз превращается в черный уголь.

Сама любовь – дар Божий, гораздо более высокий, чем дар поэтический. «Бремя мое легко», – говорит нам Господь. Но сами-то мы слабы бываем, чтобы нести это бремя. Остается в душе только желание любви. Но любовь Божия вечно с нами пребывает. Об этом нам напоминают, прежде всего, христианские песнопения, а также русская поэзия, которая, по слову Н. В. Гоголя, вся пронизана духом Евангелия, Благой вестью Господа. Мне дорого стихотворение В. Соловьева, которое перекликается со словами апостола Павла и вселяет надежду:

*Люди живы Божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздается.*

*Люди живы той любовью.
Что одно к другому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.*

Тогда почему же земная жизнь человека полна трагизма? На этот вопрос другой поэт отвечает так: «Полон мир несбывшейся любви».

Это удивительно емкая по смыслу поэтическая строка из стихотворения Михаила Ивановича Карачёва [1: 16]. Ее духовная и художественная сила основана на парадоксальном содержании. С одной стороны, *несбывшаяся любовь*, а *не сбыться* – значит не осуществиться, не исполниться (о чем-либо предполагаемом или желаемом). А с другой стороны, *полон мир ... любви*. Однако такие аналитические рассуждения могут разрушить поэтическую мысль, которая всегда основана на смысловом синтезе и глубоком чувстве, а потому органична. Чтобы понять эту мысль нужно прислушаться

к голосу души, который начинает звучать при чтении этого стихотворения:

*Ветер дул. Осины на погосте
Трепетали в счастье молодом.
Что сказать? В село пришли мы, гости,
А родня заснула вечным сном.*

*Ветер дул. Сияя над погостом,
Грозовая высилась гряда.
Здесь в холме покоятся лишь кости.
Где та жизнь? Отстала навсегда.*

*Ветер сник. К далёким перелескам
Отошла небесная гряда.
Где та жизнь в её покорном блеске!
Где та жизнь? Замолкла навсегда.*

*Что желать? О чём молиться Богу?
Полон мир несбывшейся любви.
Не зовите в долгую дорогу.
Никого не вижу впереди.*

*Только здесь могильные перины
Будут ждать покоя моего.
Слышу, слышу в радости незримой
Голоса отставших далеко.*

*Только здесь, в молитве одинокой,
И далёким воздухом дыша,
Голоса, отставшие далёко,
Будет ждать забытая душа.*

Всегда возникает чувство вины перед умершими. Всегда кажется, что мало их любил, был черств, не понимал их, не ценил... Но, несбывшаяся любовь, прерванная смертью, может полностью осуществиться уже не здесь, а в мире ином. Ведь у Бога все живы. Лирический герой стихотворения и сейчас, этим ветреным осенним днем, и здесь, на родном пепелище, у этих родных могил, слышит «в радости незримой голоса отставших далеко» и молится, «далёким воздухом дыша». Действительно, такое поэтическое чувство – сродни молитве.

Если задуматься над поэтикой этого стихотворения, то поражает её родство с древней поэтической картиной жизни и смерти. В тексте проступает мистический сюжет восхищения души из этого мира в мир иной. Этот сюжет, в котором восхищение души противопоставлено смерти, зародился в античной культуре, а затем был воспринят христианскими мистиками. Он связан с символами ветра и грозы. История этого сюжета и его символов в мировой культуре прослеживается о. Павлом Флоренским [3]. Рассмотрев различные произведения античной литературы и библейские тексты, он пишет: *«Незримый, неосязаемый и, однако, могучий и порою всесокрушительный порыв ветра, конечно, есть символ наиболее сродный потусторонним силам, врывающимся в мир житейского попечения и восхищающим отселе человека в миры иные. Вот почему едва ли не каждая мистическая система включает в себя и понятие о таинственном порыве нездешнего дуновения»* [3: 162]. В 99 псалме «действие Духа Божия уподоблено движению ветра или движению на крыльях ветра, чтобы показать, что это действие – невещественно, вполне духовно» [2: 547].

В стихотворении М. И. Карачёва символ ветра встречается в трёх строфах из шести, а о восхищении души лирического героя в мир любящих и любимых свидетельствуют фразы: *Осины на погосте / Трепетали в счастье молодом ...; Слышу, слышу в радости незримой / Голоса отставших далеко ...; ...далёким воздухом дыша.*

Поэтическое восхищение души – сила, побеждающая смерть. Однако о. Павел Флоренский предупреждает: *«Для человека, мистически одарённого ... и видящего пред собой силы и знамения иного мира, подумать, что духовных дарований самих по себе достаточно и что большего ничего не требуется для спасения, – очень привлекательно».* При этом может возникнуть *«повод для величайшего соблазна»* [3: 185]. Поэты опасно ходят. Это их особенность.

Кроме смерти, бывает и иная разлука, мешающая осуществлению любви. Это трагедия двух любящих людей, утративших взаимопонимание и доверие друг к другу:

*Не унижай меня неправдой обо мне,
Непониманием праведным не мучай.
И как понять, что вечное – не случай.
Вот почему и тягостно вдвойне.*

*О, если б мог на равный разговор
Тебя я вызвать из твоей гордыни,—
Какой бы бездной отозвался хор,
Далёкий и безмолвствующий ныне!*

Далее поэт опять обращается к мысли о том, что только в этом мёртвом мире любовь может быть несбывшейся, а в мире истинной любви – она вечно жива:

*Так мира мёртвого спадает оболочка,
Хотя б на миг, но явственно понять,
Что вновь дана бессмертная отсрочка
Ещё любить, ещё тебя обнять.*

В этом удивительном стихотворении В. И. Карачёв продолжает традиции русской духовной поэзии, утверждающей бессмертную силу любви.

*Смерть и Время царят на земле,—
Ты владыками их не зови:
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

Эти ставшие крылатыми строки о любви написал В. С. Соловьёв. Этот же мотив несбывшейся земной любви и любви вечной звучит и в стихотворении Н. М. Рубцова «Цветок и нива», которое заканчивается такими словами:

*Взойдёт любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!*

Следуя библейской традиции понимания любви (Пс. 102, 15), земную жизнь человека поэт уподобляет полевому цветку, который быстро отцветёт и завянет. А вечную душу поэт называет «неувядаемым цветком». «Неувядаемая нива» – это жизнь будущего века, наполненная бесконечной любовью».¹

М. И. Карачёв также прозревает это состояние осуществившейся в вечности любви:

*Мы уснём, как потухшие свечи.
Пусть над нами сгущается вечность,
Вольный ветер свистит за стеной,–
Сладко спать у любви за спиной.*

.....

*Мы когда-нибудь выйдем из плоти,
Нас отпустит закон тяготенья.
Отыщи меня в мёртвом полёте,–
Я заплачу тебе из забвенья.*

Но и в этих стихах, в последней строке, звучит печаль о несбывшейся земной любви. Ведь истинная любовь – это всегда жертва, а все мы так мало жертвуем, и так много просим. А потому возникает сердечная боль – чувство вины и покаяния перед близкими людьми, любившими нас, и перед родиной, взрастившей нас:

*Зачем я жду сердечной укоризны,
Вернувшись в юность, в дальнее село,
Где жизнь прошла, как ожиданье жизни.
Здесь сверстники состарились давно.*

*Где этот зов живой сердечной воли,
Влекущий в даль, в мерцающий поток!
И почему виденьем чистой боли
Не исчезает матери платок?*

¹ Об этом стихотворении более подробно в нашей статье «Взойдёт любовь на вечный срок...» Христианский идеал любви в поэзии Н. М. Рубцова // Н. М. Рубцов и Православие. Сб. статей о творчестве Н. М. Рубцова.– М., 2009. С. 307–316.

Особенно примечателен конец этого стихотворения, свидетельствующий о душевной тонкости поэта, его духовном зрении:

*Ещё чуть-чуть – сожнётся поколенье,
Спрессуется как бессловесный прах!
Так почему не ужасом, не тленьем, –
Я откликаюсь радостью на страх!*

Этим душевным состоянием, которое можно только почувствовать сердцем, но трудно передать обычными, непоэтическими, словами, проникнуты и другие стихотворения М. И. Карачёва. Например, в стихотворении «Это хрупкое время не право...» путник возвращается домой по лесной дороге «и выходит к родимому берегу, к деревушке за тёмной рекой». А затем звучат пронзительные строки о том, что чувствовал человек, в непогоду вернувшийся после многих лет скитаний на оставленную когда-то родину:

*Над стремниной тягучей, глубокой
Трос качается, лодка скрипит,
И по сердцу скользит одиноко
Одинокость прибрежных раки...*

*А в лесной затаённой округе
Над забытым жильём, над рекой
Вырастает слепящая выюга,
Оглушая высокой тоской.*

*И забвенья беспмятный холод
На безудержно тёмной волне
Рвёт и треплет слабеющий повод
В ненадёжном скрипящем челне.*

*Отчего же восторженным стоном
Вырывается вздох из груди
И, сливаясь с окрестностью, тонет,
Оклика в крошечной дали!*

Следует отметить, что по силе трагического звучания стихотворения М. И. Карачёва близки к поэзии Ф. И. Тютчева, например, к таким его строкам:

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

Это же видение тёмной бездны забвения и хаоса, хождение по её краю в поэзии М. И. Карачёва. От падения в неё спасает только любовь, теплота которой согревает душу и рождает в ней искру радости и надежду на Жизнь Вечную:

*Пусть во тьме осыпаются маки,
Пусть утихли порханье и свет, –
Перестаньте тревожить и плакать!
Ничего здесь погибшего нет.*

*Всё, что умерло, – рядом таится.
Всё имеет и душу и свет,
И ночными глазами глядится,
Излучая незримый привет.*

Живое человеческое сердце, полное любви, светит во тьме и преодолевает смерть.

Литература

1. Карачёв М. И. «Отпусти меня, жизнь, по течению вверх...» Стихи.
2. Литературная Вологда – 2015. Альманах вологодских писателей. – Вологда: «Полиграф-Периодика», 2015. – С. 7–22.
3. Святитель Игнатий Брянчанинов. Таинственное объяснение 99 псалма // Святитель Игнатий Брянчанинов. Творения. Книга вторая. Аскетические опыты. Слово о человеке. – М.: «Лепта», 2001. – С. 544–552.
4. Священник Павел Флоренский. «Не восхищение непшева» // Сочинения в четырёх томах. Том 2. М.: «Мысль», 1996. С. 143–188.

ПОЭТ АЛЕКСАНДР РОМАНОВ О ДУХОВНОМ РОДСТВЕ РУССКОГО НАРОДА

Святая Русь и в XX веке не погибла! Она жила в глубинном самочувствии русского народа, душа которого осталась живой, несмотря на все адские перепутья новейшей истории. Произведения наших писателей свидетельствуют об этом.

Александр Александрович Романов в 90-е годы с возмущением протестовал против огульного очернения нашей жизни советского периода: *«Это было в эпоху коммунизма» – так, похихикивая, говорят уже о годах, прожитых нами*. И далее писатель поясняет, почему он против осмеяния этих лет: это было время, когда жили и творили наши писатели-подвижники русской литературы, смелые и мужественные люди: *«...О годах, прожитых вместе с Шолоховым и Твардовским, а если взглянуть поближе к нам, то вместе с Фёдором Абрамовым, Александром Яшиным, Сергеем Орловым. Уж этих-то мужественных и талантливейших людей никак не упрекнёшь в раболепии или в слабости духа. Они были из кремнёвой породы. Жили своим умом. Горели своим огнём. Шли к людям с добром. И рано оборвались их жизненные пути...»* [1: 282–283].

Слов «Святая Русь» почти не встретишь в поэзии второй половины XX века, однако многие поэты относились к России как к самой главной для них святыне. Александр Александрович Романов вспоминает начало эпохи чудесного воскресения Руси:

«Вспомнилось мне, как однажды вечером (10 июня 1988 г.) слушал я по радио праздничный концерт из Большого театра, посвящённый 1000-летию крещения Руси. Какая музыка, какое пение! Больше трёх часов сидел, не тронувшись с места, всё слушал, слушал, – и всё было мало! Кажется, впервые душа соприкоснулась с музыкой веков и обрела простор милосердия,

покаяния и небесной чистоты. Как я жалел, что моя мать не дождала двух годов до этого дня, когда голос Русской Православной Церкви зазвучал по всенародному радио, и вся Россия на эти три часа превратилась в немыслимо огромный и образно засиявший храм нашей тысячелетней Веры! Как бы счастливо плакала мать и крестилась, и замирала исстрадавшейся душой своей от света долгожданного праздника!..» [1: 284].

В те торжественные минуты возвращения к Богу А. А. Романов глубоко проник в самую суть православного самосознания русского человека:

«Да и сам я, уже седой человек, слушая духовную музыку, проникся неведомой дотоле глубиной и высотой нравственного самопознания, ощущая, как теснятся во мне сумерки заблуждений и как пресветло – радостно вливается взамен откровение земли и неба, человека и Бога, мига и вечности» [1: 284].

Не забыл писатель и самого важного в нашей православной вере – покаяния и исповеди, без которых невозможно очищение души и её возрастание, и без которых у нас нет возможности приобщиться к Святым Христовым Таинствам. А. А. Романов пишет:

«Во мне возникло страстное желание покаяться в ошибках, которые уже были забыты, а тут вновь открылись во всей своей неприглядности; стать добрее, терпимее, милосерднее к людям...

И подумалось мне: христианская исповедь и молитва – это вечное развитие души к лучшему своему состоянию, это бесконечное самоусовершенствование человека, его каждодневный духовный рост в высоту добра, совестливости и житейской праведности...

Я слушал духовную музыку и плакал радостно, просветлённо, самоукоризненно...» [1: 284–285].

В древнюю Вологду в эпоху возрождения Православной веры вернулся колокольный звон. А. А. Романов посвящает этому событию своё стихотворение «Колокола»:

*Звон вечевой, извечный
Замкнули на замки
И ложью, как увечьем,
Связали языки.*

*Но время шло... Расторглась
И расточилась мгла.
Слышь – будто правды возглас –
Гудят колокола!*

*В сознание нашем тусклом,
Как вихри в тупике,
Поют на древнерусском,
Забытом языке.*

*В порыве удивленья
Кипят у стен седых
Людские поколения,
Не слышавшие их.*

...

[1: 109]

Поэт создаёт поэтический образ родной Вологды как города святорусского, основанного в древности преподобным Герасимом:

*Изначальная Вологда
Над рекою выросла.
Из секиры и молота,
Топора и весла.*

*У монаха Герасима
Крест потел на груди:
Что ни ель, то орясина –
В небо храм возводи!*

*Он с мужицкой упрямостью
Выбивался из сил
И с молитвенной радостью
Подвиг свой завершил.*

*Вот по зареву красному
Выплыл с церковки звон.*

*Шли молиться к Герасиму
Люди с разных сторон.*

*Осенял их двуперстием
И молиться учил.
И в оконца божественно
Проливались лучи.*

*Стихли черти и лешие,
Освятились пути.
По всему побережью
Стали избы расти...*

*Так и ширилась смолоду
Над рекой слобода,
Чтобы вырасти в Вологду
Для молитв и труда.*

...

[1: 110]

Лики Святой Руси поэты прозревают не только в истории отечества, не только в природе, но и в людях – своих современниках. Вологодские писатели создали целую галерею образов простых тружеников-крестьян, сохранивших в своих характерах и судьбах православные нравственные основы. Это терпеливые, мужественные, правдивые герои Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Александра Цыганова и других. Так, в героине стихотворения А. А. Романова «Божатка» мы узнаём своих родственниц старшего поколения – жительниц вологодских деревень, которые, сами не зная того, являлись хранительницами Святой Руси, её нравственной чистоты, бескорыстия и сердечной открытости:

*Есть в деревне у нас божатка –
Так мы родственницу зовём –
Приезжай хоть ночью, хоть днём,
С кем угодно – накормит сладко.
Удивляться не перестану:
Голова уж белым-бела –
Столько стужи пережила,
А в глазах, конечно, усталых
Неизбывно ещё тепло.*

[1: 149]

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн Снычѣв свою книгу «Самодержавие духа. Очерки русского самосознания» начал словами святого Иоанна Кронштадтского: *«Перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский»*. И далее митрополит Иоанн Снычѣв продолжил мысли святого: *«Эти слова всенародного российского пастыря, святого праведного отца Иоанна Кронштадтского как нельзя более злободневны сегодня, когда решается судьба Отчизны. Наше будущее зависит от того, сумеем ли мы ныне восстановить историческую преемственность русской жизни, осознать себя продолжателями великого русского дела, хранителями и защитниками духовных сокровищ тысячелетней российской истории»* [2: 7].

Поэт Александр Романов один из тех, кто глубоко осознал себя продолжателем этого великого русского дела. Он был уверен, что мы не сможем обрести себя без духовного единения с народом, с его самосознанием в прошлом и настоящем. Его стихотворение в прозе так и называется – «Обретение себя»:

*«Я вскинул взгляд в надвратное пространство алтаря и замер от пронзившего меня взора Богородицы. Огромные глаза, таившие счастье и муку материнства, казалось, вопрошали с высоты: **понимаю ли я жертвенную благодать жизни?** И неотступно ширясь передо мной и во мне, эти глаза видели всю мою потайную сущность, и я, может, впервые так тревожно цепенел, стоя перед неотвратимым ясновидением.*

*И белые блики, всё более сиявшие из глубины тёмных зрачков, и задумчивая молитвенность лица, обрамлённого лиловым хитомом и склонённого с живым участием ко мне, как и к любому, входящему в храм – вся эта озарѣнность Богоматери с младенцем Иисусом на руках была пронизана **тѣплыми кругами восходившей во мне радости.***

И я жарко перекрестился. И сразу услышал голос моей покойной матери, словно бы очутился вблизи неё. Я оглянулся вокруг себя на молящихся женщин и понял, что все истово молящиеся страдалицы похожи на мою бедную мать. И лицо её пригожее, чистое, сиявшее от молитв, которые я слышал с детства, из памяти обернулось как будто въявь, и я увидел свою мать, стоящую перед иконой Божьей Матери с зажжённой свечкой в руках. И воскрес во мне её голос, и слышал я, как она поминала всю нашу родню – начиная с моего отца, убиенного на Отечественной войне, родителей своих, и всё шире и далее охватывала поимённо наше великое крестьянское родство ...

Так смала я запомнил свою молящуюся мать, от неё запали мне в душу и в сознание родственные имена вплоть до третьего колена с отцовской и материнской стороны.

И любо мне было чувствовать себя в таком широком и добром круге родства. И сам с годами, и мои сыновья, а теперь и внуки – все мы обретаем в нём своё место [1: 158].

Мысль о духовном родстве людей пронзила сердце писателя в храме. Такое случается в храме со всеми, кто пришёл туда с чистой душой.

* * *

В современную эпоху разорения деревни и крестьянской культуры народные поэты считают своим главным поэтическим долгом напомнить об исконном соборном единстве русского крестьянства и стать его хранителями. Поэтому тема духовного родства является для них самой главной. А. А. Романов прямо об этом заявляет в своем стихотворении «Тыщи лет»:

*Я – писец опустевшей деревни,
Но лари моих дней не пусты.
Чем древнее слова, тем согревней,
И стихи ткуются, будто холсты.*

*Я искатель своих родословий
И туда сквозь века проберусь,
Где на пашне Микула весёлый
Обнимал краснощёкую Русь.*

*И в земле неторёной, раздольной,
Петухами ещё не воснет.
Воссиял из мужицких ладоней
Над холмами тесовый рассвет.*

*Я в пути с тех времён и доселе –
Тыщи лет моя память жива.
И в лукошке моём для посева
Золотого отбора слова.*

[1: 71]

А. А. Романов считал, что беды XX века в России связаны с тем, что крестьяне утратили «вековую власть мужицкого родства». Эти горестные мысли пришли к поэту при чтении романа Василия Белова «Год великого перелома»:

РАЗДУМЬЯ

над романом Василия Белова «Год великого перелома»

*Оглянусь и знобко стыну:
Век двадцатый позади...
Мне, земли российской сыну,
Брать ли поприще судьи?*

*Упрекать ли Русь родную
За её разбитый путь?
С ней беду перебудую,
Не сбегу куда-нибудь.*

*Память родины нетленна!..
Широко у нас росло
И до третьего колена
В семьях правило родство.*

*Девок сватали не с ходу –
Не за голый батожок,*

*А к значительному роду
И на хлебный бережок.*

***А, случись, беда какая,
То с надеждой на Христа,
Выручала вековая
Власть мужицкого родства.***

*...Эти древние уставы
Мы, отступники, сожгли.
Мы предателями стали
Святоотческой земли.*

*И чужая власть и нежить
Всю Россию растрясла...
Где же Родина? И где же
Колесо того родства?*

*А оно, попав под выброс,
Выбилось из борозды
И, ломаясь, покатилось
Мимо поля и избы.*

*Покатилось с громом, с треском
Из родимых палестин
В причитанье деревенском
В раскулаченную стынь...*

***И поныне те злодеи
Рвутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства!***

[1: 88–89]

Услышит ли этот призыв поэта нынешнее поколение? Будет ли для них дорога соборность, основанная на православном единстве русского народа и его любви к Отечеству?

Народные писатели – «вещи Бояновы сыны» (Н. Клюев), несущие своим православным словом благую весть о том, что сила народа заключается в его соборном единстве. Следуя этому правилу, русское искусство

созидает нетленную Россию. Об этом А. А. Романов написал такие пророческие слова [1: 81]:

*...Летят всё круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты. ...*

Литература

1. Романов А. А. Последнее счастье. Поэзия. Проза. Думы.– Вологда, 2003.– 263 с.
2. Митрополит Иоанн Снычёв. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания.– СПб., 1994.– 349 с.

«СЛОВА ЛЕЖАТ В ГЛУБИНАХ РУССКИХ РЕК...»

*О поэтическом созерцании мира
в поэзии Алексея Шадринова*

В христианской традиции существует установка на *соборное единство и простоту знания и слова*, которые основаны на *единстве мира в Боге как его Творце*. Истинное знание о мире человек получает только по благодати Божией – как откровение. Поэты и писатели это знают. Поверим А. С. Пушкину, который считал: *«Гений с одного взгляда познаёт истину»*. О соборности русского слова, его сокровенной глубине и слитности «с могучим Словом, зиждущим Дела», писал наш молодой белозерский гений Алексей Шадринов:

*Слова лежат в глубинах русских рек.
Они не умерли, они заснули.
Их разбудить лишь может человек,
И оживет тотчас стозвонный улей.*

*Певучих, тяжких, как колокола,
Как монолиты каменные слитых
С могучим Словом, зиждущим Дела ...
Пусть не молчит полуистлевший свиток,
Что молодость у Леты обрела.*

Да, пусть не молчит искреннее русское слово! Но сколько мучений и боли душевной нужно перенести, чтобы отринуть беснование плюрализма и пустоту ярлыков и штампов:

*Когда в трудах бессмысленных горю,
Я, ежечасно исторгая стоны,
Себе ли в утешенье говорю:
Минует день, печалью населенный!..*

*Хоть для меня слова мои – не бронь,
Пощада их ко мне неудержима,
Но боли несмолкающий огонь
Горит в моей душе неистребимой.*

Бесценным даром Православия русской культуре являются слова и речения, которые в своих особых значениях передают духовный опыт подвижников благочестия, истинных вождей народа. Писатели этим щедрым даром пользуются. **Радость** – одно из таких духоносных слов. В.В. Розанов своим страдающим сердцем особенно часто прозревал высокий смысл подобных слов, поэтому именно ему принадлежит афоризм: «*Радость – слишком царственное чувство*». Действительно, это слово пропитано вдохновением молитв, акафистов, многих христианских песнопений, славящих Бога, Богородицу, святых. Так, в одной из утренних молитв Василия Великого содержится прошение о даровании «*нам бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти*», и тогда мы «*в радость и Божественный чертог славы Его совнидем, идеже празднующих глас непрестанный, и неизреченная сладость зрящих Твоего лица доброту неизреченную*». В покаянном каноне, обращённом к Богородице,

мы просим: *«Исцели, Чистая, души моей немощение.
... Исполни, Чистая, веселия сердце мое, Твою нетленную дающую радость».*

Радость духовная – нетленна. Именно так её понимали святители: радость – это духовное состояние освобожденного от греховности любящего сердца, прикоснувшегося к вечному миру Божьей Благодати. *«Блаженства ли хочешь? Всякое блаженство у Меня»* – говорит нам Иисус Христос.

Не имея совершенной радости на земле, мы выбираем один из трёх возможных путей. Первый путь – это путь подмены (развлечения, праздники, а в худшем случае – пьянство и даже наркотики, убивающие душу и тело), после которых возникает сердечная пустота, иногда смертельная ... Второй путь – унылая дорога разочарований и глубокой печали без всякой надежды, также губительная смертельно. И наконец, третий, царский путь, идя по которому человек, хотя и видит всё несовершенство мира, хотя и печалится всеми его печальями, но мужественно и терпеливо ищет дорогу к Богу и Его благодатной радости. Этим путём шёл одиноко наш белозерский поэт Алексей Шадринов:

*Я даже очень весело живу,
Со мной всегда безмолвный собеседник,
Копчу ли небо, мну ль в лесу траву,
Иль слушаю церковную обедню.
Ну что с того, что так я одинок,
Зато никто устоев не нарушит.
Уже в июне скошен мой цветок,
И шмель напрасно над поляной кружит.*

*Взойдет ли стон, и вырвется ли крик –
Не будет внят никем из шумной стаи.
О плоть моя, сгори и растворись –
Я не виновен в том, что неприкаян!*

*Я не обижусь в тишине своей
И, отупев от взглядов равнодушных,
Я с каждым днём грустней и тяжелей
От праздной силы, больно рвущей душу...*

Радость духовная, к которой так стремятся чистые юные души поэтов, но которую так трудно понять в холоде равнодушия в земной жизни, и есть та «*праздная сила, больно рвущая душу*». Удивительно, как близко по сердечному чувству это стихотворение юного А. Шадринова к знаменитому стихотворению «Ангел» семнадцатилетнего М. Лермонтова. Кажется, что это стихотворение о нашем поэте и о таких, как он:

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Поэтика стихотворений Лермонтова и Шадринова, безусловно, очень различна. Но мысль у них одна: радость – слишком царственное чувство. Она даётся поэтам как благодатное воспоминание среди земной печали за их любящее сердце, так как «*радость и любовь неотделимы*».

* * *

Разные поэты – неповторимые индивидуальности, но все они имеют особое духовное зрение, которое раскрывает перед ними мистический смысл вечера, ночи

и утра. Подобное восприятие времени характерно и для поэта Алексея Шадринова. Одиноким странник во мраке ночи ожидает чудесной встречи с Вечностью, ждёт прихода Света Невечернего:

*Сквозь многий мрак, ветвистый и густой,
Струясь, в лесах четвёртый ветер рыщет.
Луна явилась бледной наготой,
И тени мирные легли на городище.*

*Твой взор к преддверьям вечною приток,
Там продолжалось звёздное круженье.
Ты слышал стонущий гусиный крик,
Как сталь архангела во мгле весенней.*

*Недолгий стан разбив среди холмов
На берегу серебряной и мгlistой
Чужой реки, оставленный свой кров
Ты понимал восторженностью чистой.*

*И было страшно в майской синеве,
Как под мечом готовящейся мести,
Предвосхищая эосовый² свет,
Багряный луч блуждал по поднебесью.*

*Ты был утешен – странник у костра,
С заката глаз бессонных не смыкая.
Была звезда туманная остра,
Пустующий зенит пересекая.*

Лирический герой этого стихотворения растворился в тёмных глубинах природы, напряжённо ожидающей наступления Зари, Света, появления Утренней Звезды и освобождения от тяжести ночного мрака. Поэт смог передать то, что возможно передать только музыкой! Тайной остаётся, как мог восемнадцатилетний поэт создать стихотворение, наполненное глубокими библейскими образами и смыслами так же пронизательно, как это мы видели и в поэтических произведениях Н. Клюева и А. Ганина!

² Эос – в греческой мифологии богиня утренней зари.

Читая и перечитывая это стихотворение А. Шадринова, я вспомнила подобное поэтическое описание ночи у Павла Флоренского. Совпадали эти описания не только по внутреннему настроению, но даже в деталях – тот же далёкий костёр в ночи, звезда Вечерняя и звезда Утренняя... Но то, что было выражено у молодого поэта прикровенно и только угадывалось, у духовного писателя выговаривалось открыто эмоционально и явно: *«Порою, вечерами бродил я по холмам и лугам. Набегающая прохлада заката омывала душу от волнения и тревоги. Вспоминалось о том первозданном ветерке вечером, в котором и которым говорил прародителям Создатель их; и это воспоминание пробежало по спине прохладным восторгом. Полузабытое и всегда незабвенное золотое время Эдема, как отлетевший сладкий сон, вилось около сердца, трепетало, задевало крылом – и снова улетало, недоступное. Грустилось о былом, былом в веках и где-то вечно живом, живущем и донныне; и благодатная грусть сливалась с влажным сиянием Звезды Вечерней, такой бесконечно далёкой, светящей из прозрачных изумрудовых бездн, и такой близкой, заходящей в сердце. Где-то вдали мерцала пастушьья тепlinkа. И милой была она. И милыми были все сидевшие возле. И как ранее, в Звезде Утренней, так и теперь, в Звезде Вечерней, сердце любило – Кого-то».*

Другое стихотворение А. Шадринова «Утро Пасхи» наполнено радостной вестью о воскресшем Христе, который *«Вездесущ и незрим, с колокольным канонам грядет».* Здесь, в этом светлом стихотворении, поэт, пропуская через глубины своей души образы природы, описывает исчезновение мрака, появление зари и наступление радостного утра Воскресения Христа:

*В дыме почек зелёном, в тяжелом весеннем дурмане,
Укрывается ива, и жизнью овечьи покров,
И едва различимы средь сумерек мягких, в тумане,
Проявляются крыши тяжёлых, дородных домов.
Я восстал из уснувших, едва заплескало рассветом,*

*А над церковью Пасха, над кровельным цинком плыла.
Восславляем Христа! И кресты возглашают об этом
Сизым галочьим роем. Туманы несут кадила...
Осветляются веси, кармином восток занавешен,
Замерцали луга светом инистых бледных бород.
И вторгается в грудь неуёмная весть, что Воскресший,
Вездесущ и незрим, с колокольным каноном грядёт.*

У И. А. Бунина есть стихотворение с подобным лирическим сюжетом:

*Христос воскрес! Опять с зарею
Редает долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.*

*Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;*

*Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!*

*Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.*

*Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов и в глубь долин;*

*Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!*

1888 г.

Сравним эти стихотворения, чтобы убедиться, насколько молодой белозерский поэт всё-таки превзошёл классика своей поэтической искренностью, свежестью образов и, наконец, самое главное – глубиной и силой веры в Воскресение Иисуса Христа. И всё это снова, как и в предыдущем его стихотворении, отразилось в необыкновенном мистическом ритме стихотворения.

* * *

Тема Божией воли и русской удали удивительно своеобразно и таинственно звучит в незавершённой поэме Алексея Шадринова «Пилигримы». Гибель поэта не позволила её завершить. Но и в той части поэмы, которую он успел написать, явно воплощены два образа русской удали, противоположные по своему отношению к Божией воле. Уже в прелюдии к поэме автор прикровенно говорит о том, что даже справедливые слова и действия человека не смогут поколебать вечное движение жизни по воле Божией:

*Уж раз упрёк правдивый не тревожит
Мир наших лиц, как он ни справедлив,
Мой лёгкий ветерок не переможет
Весенних вод бушующий разлив.*

В основу символического сюжета поэмы положено христианское представление о земной жизни человека как о временном странствии, в конце которого мы вернёмся к нашему Создателю на Страшный Суд. После этого и решится окончательно наша участь. Главный герой поэмы – *Старик-пилигрим*, речь которого является голосом самого автора. Он рассуждает о смысле нашего земного пути и наших желаний. Находясь долгие годы в пути, он понял, что наша человеческая воля порождает бесконечные и часто пустые желания и мечтания, которые губят святость нашей первородной чистоты, которой мы обладали в детстве:

Три раза я на родину взглянул,
В трёх разных красках я её увидел.
Младенец чистый, выползши на свет,
Всемерно грудью матери доволен.
Вот так и мы, когда сравнений нет.
Поём свой дол, благословляем поле.—
Простор юдольный, где в твои глаза
Впервые заплескала бирюза.
Как мало надо? **Кротость той поры,**
Как и вселенная, не знает меры.
Но дни идут, по храму топоры
Стучат, круша незыблемость химеры.—
Лукавой искусителя игры
В слепой черёд являются примеры.
И вот по свету катится молва:
За перевалом, на востоке солнца
Простёрлись земли, слаще, чем халва,
И небеса, что Господне оконце.
И с тех небес во тьму сует досужих
Нисходит благодать в страждущие души.

Старик прозрел и понимает всю тщету бесконечных поисков новых стран, новых впечатлений и новых желаний. Он сожалеет о своих заблуждениях прошлых лет:

Сумей понять, что жизнь нигде не нова,
Когда её очистишь от приправ.
Но я, самозабвенный пешеход,
Под чуждой сенью чуждого мне сада
Заснул и всюду видел Эль-Дорадо,
Тот сон и явь мешая наперёд.
Длинна стезя, ведущая к прозренью,
Ушли года, неискупим их срок.
К спасительному близок откровенью,
Я от бесплодных поисков далёк!

Итак, безбожная человеческая воля приводит к бесплодным поискам новых радостей жизни и в результате – к разочарованиям. Однако своеволие человека может привести к ещё худшему результату – к преступлению. Эта мысль автора воплотилась в образе двух

бродяг, которых автор назвал обезличенно *Первый* и *Второй*, поскольку они уже потеряли своё человеческое достоинство – отдали свою человеческую волю в руки тёмных сил и стали рабами греха. Старик прозорливо видит ненасытную сущность этих путешественников и символически предлагает им свернуть с этого пагубного пути. Тогда их не будет мучить алчность. Он предлагает им:

*Советую Вам стопы повернуть,
За мной последовать в мой край благословенный.
Тогда, быть может, с первым часом денным
Смогу отчасти сытость вам вернуть.*

Однако этим людям чуждо подчинение благодатной воле умудренного жизнью старца, у них свое представление о свободной воле, вернее о беспредельном своеволии:

*Блажен, кто чудной волей обладает,—
Она достанет хлеба и вина,
В полночный час устроит; одевает
Того, кто низок, мигом вознесёт —
Куда попасть и сам не чаёт тот.
И чтобы человек ни говорил
О подведении смертного итога,
Безденежье сносить не будет сил,
Смиренья хватит не namного.*

В отличие от них Старик-пилигрим знает, что всем в этом мире управляет воля Божия, не человек «кораблём управляет, а Кормчий единый!» Описывая солнечное затмение как знак гнева Божия, на который не обращают внимания духовно слепые люди, он восклицает:

*Ужель ты не трепещешь, человек,
Перед мгновением страшной воли Божьей?*

Читая поэму-драму «Пилигримы», поражаешься чуду, которое сотворил Господь на Вологодской земле! В конце XX века, на пороге начавшейся буржуазной контрреволюции, он дал нам чистого ангела, поэта-про-

рока, который с силой шекспировского таланта призывал нас не поддаваться бесовской алчности к богатству и к мнимой новизне впечатлений и ощущений, беречь чистоту и кротость души, и тем сохранить её свободу... Но библейская история казни невинного человека повторилась: девятнадцатилетний поэт был жестоко замучен в армии в 1992 году.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОДОСТАТОЧНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПРИЗРАКЕ ТРАНСГУМАНИЗМА

Одним из направлений культурной агрессии людей, которые выдают себя за миссионеров западной цивилизации, стали нападки на русский язык и Православие. Основным пафосом подобных публикаций является утверждение, что во всех бедах и катастрофах русской истории виноваты именно они, русский язык и православная вера. Аргументация приводится удивительно простая, но не убедительная для нас, русских. Её мы рассмотрим далее. Может быть, стоило промолчать, следуя известной русской поговорке... Однако это не тот случай, поскольку наше молчание может опять же стать аргументом в пользу их концепции, согласно которой наш язык и наша вера делают нас пассивными, безличными и даже духовно мёртвыми. Повторяемое многократно здесь и там, это утверждение превращается в оружие зомбирования. Всё-таки следует эту паутину разрывать, а не принимать за голубое небо истины.

Если следовать логике Михаила Эпштейна...

Остановимся для примера на статье Михаила Намовича Эпштейна «О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество», опубликованной в журнале «Знамя» № 3 за 2007

год. Автор её – человек известный, хорошо образованный, питомец Московского университета, ныне подвигающийся на поприще философа в США, профессор университета Эмори (США) и почетный профессор Даремского университета (Великобритания). Его статья, рассчитанная на русских филологов и философов, ставит грандиозную задачу – повлиять на святая святых каждой личности – на его национальное языковое сознание и изменить его в пользу другого языкового сознания, в данном случае – английского. Эти идеи трансформации русского языка и русской филологии автор постоянно развивает все последние годы в своих новых книгах и публикациях, например, в «Проективном словаре гуманитарных наук» (2017 г.).

В качестве материала для формирования своих переходных лингвистических идей и рекомендаций для русского народа, как говорить по-русски, но на английский манер, М. Эпштейн выбирает категорию переходности русских глаголов. Вначале он совершенно правильно излагает азы русской грамматики:

*«В этой статье рассматривается знакомая нам со школьной скамьи категория переходности – способность глагола иметь при себе прямое дополнение. Например, «рубить дрова», «брать чашку», «бросать мяч», «читать книгу», «мыть руки», «понимать друга», «любить женщину». Переходность – не просто грамматическое свойство глаголов, это **мыслительная категория** (выделено М. Эпштейном), определяющая, насколько действие, обозначенное глаголом, переходит прямо на предмет. Непереходные глаголы, такие, как «спать», «болеть», «молчать», «скучать», «лежать», «ходить», «падать», «нравиться», «смеяться», не могут иметь при себе прямого дополнения. Они описывают состояние или свойство грамматического субъекта, но не его прямое воздействие на какое-то лицо или предмет» [1].*

Далее автор утверждает, ссылаясь на данные «Обратного словаря русского языка» [2] и академика

В. В. Виноградова [3], что в русском языке преобладают **непереходные глаголы**, а переходные составляют только одну треть от общего числа глаголов. (Попутно заметим, что эти данные не учитывают живой разговорный язык и русские народные говоры). Из этого факта М. Эпштейн делает неожиданно очень смелый философский вывод:

«Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничто не движет. <...> С точки зрения грамматики и логики языка, это языческий, мифический, мистический, отчасти даже сновидческий мир, в котором лица и вещи наделены самочинными свойствами и способностями, не переходящими в дело. Это мир самодовлеющих субстанций, в том числе подвижных, но не мир отношений и взаимодействий. Это недостаточно глагольный мир, он ещё находится в плену субстанциализма и атрибутизма. В русском языке диктатура существительных и прилагательных: что и какой. А глагольный вопрос “что делать?” остаётся исторически безответным, потому что он предполагает развитое транзитивное мышление, не только грамматику, но и этику и политику переходности» (выделено М. Эпштейном).

Автор следует **идее трансформации мира**, которая была предложена на Всемирном Экономическом Форуме (ВЭФ) в Давосе в 1971 году Клаусом Швабом. По мнению аналитиков, «главная задача **трансгуманизма** – изменить человека, созданного по образу и подобию Божию, и вывести его из церковной ограды. И для этого уже есть ряд технологий, конкретный выбор которых, на самом деле, не принципиален, будь то генная инженерия, IT-технологии или замена ценностных установок. Все вместе или по отдельности, они служат единой цели – изменению сущности человека» [https://ruskline.ru/news_rl/2021/02/05/nas_ozhidaet_mutaciya_mira].

Михаил Эпштейн выбирает «грамматическую технологию»: он предлагает совершить революцию в грамматике русского языка. Поскольку, по его мнению, *“на протяжении многих веков своей истории русский язык впал в непереходность”*, то необходимо *“усиление функции переходности”*, нужно *“вырвать... глагольную систему из этого оцепенения непереходности, оживить каждый непереходный глагол его переходной функцией”*. *“Всё это “взорвало бы статический мир”* (выделено нами – Л. Я.). Главная цель всех этих революционных разрушений, которые планируются автором, заключается в следующем – изменить наш образ мыслей, чтобы мы могли *“мыслить мир не “происходящим”, не “получающимся”, а делаемым и делаемым”*.

Какие же средства предлагает М. Эпштейн для достижения поставленной цели? Конечно, этими средствами являются насильственные мероприятия, как и всегда бывает в революцию. Автор планирует *“вести операцию превращения непереходных глаголов в переходные”*, то есть *“опереходить, транзитивировать глагольную систему <...> Тогда у каждого непереходного глагола появится его переходный аналог, со-глагол”*. В качестве доказательства того, что такая операция для русского языка посильна и он успешно её перенесёт, М. Эпштейн ссылается на массу примеров того, как это уже происходит в речи столичной интеллигенции и малых детей:

«– Ты куда машину едешь? Там же яма!

– Пришёл, развалился и стал меня *скучать*.

– Я танцевать не умею. – Ничего, я тебя сам *танцевать* буду.

– Папа, *полетай* меня! Я люблю, когда ты меня *летаешь*.

– Не *лопни* шарик, перестань его *надувать*.

– Мама, не *беги* меня, я устал.

– Горбачёв молодец, он *разбежал* нашу страну в будущее, а вот Ельцин её *взял и споткнул*”.

Статья М. Эпштейна переполнена подобными речениями.

Да, такое, действительно, встречается в речи тех, кто или ещё не овладел богатствами русского языка (дети, иностранцы), или они ему наскучили и вызывают ироническое отторжение (интеллигенция, утратившая родную почву под ногами). Автор умалчивает о том, что достоянием русской речевой культуры являются такие понятия, как языковые и стилистические нормы, многообразие функциональных и художественных стилей, которые призваны обеспечивать живое разнообразие и цветение русского языка. Видимо, для него они ничего не значат, они не дороги его сердцу, если он в качестве образца для подражания приводит такие примеры: *«Кто за девушку платит, тот её и танцует. Кто девушку ночует, тот её и завтракает»*. Зато каменно незыблемы для него нормы английского языка, которые он и предлагает ввести в грамматику русского языка. В связи с этим он отмечает с удовлетворением:

«Если в русском транзитивация непереходных глаголов делает первые робкие шаги, то в английском она уже давно свершившийся факт. В английском есть множество глаголов, употребляемых и в переходном, и в непереходном значении, что придаёт им функциональную гибкость, поливалентность».

В каком же направлении собирается Михаил Эпштейн *«изменить мышление языкового сообщества»* с помощью внедрения в русский язык грамматических норм английского языка, каким ценным содержанием желает его наполнить? Это содержание можно определить так – **принуждение более слабого более сильным**. Автор сам не формулирует эту мысль явно, но преподносит её в виде ярких примеров преобразованных им на английский манер русских глаголов:

«гулять кого-то – делать так, чтобы кто-то гулял хохотать кого-то – делать так, чтобы кто-то хохотал плавать кого-то – делать так, чтобы кто-то плавал падать кого-то – делать так, чтобы кто-то падал ужинать кого-то – делать так, чтобы кто-то ужинал ночевать кого-то – делать так, чтобы кто-то ночевал».

Одним словом, **нужно делать так, чтобы кто-то подчинялся твоей воле.**

Михаил Эпштейн считает, что всё это соответствует творческому потенциалу русского языка, при этом, что удивительно, он берёт себе в союзники Вильгельма Гумбольдта (благо, тот не может протестовать) и цитирует его прекрасную мысль: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [4]. Но тогда как быть с нашим русским **«Не в силе Бог, а в правде»**? Или именно это в нашем национальном сознании и не устраивает преобразователя русского языка? Надо, чтобы правда была в силе? Но если мы будем так думать, то мы уже не будем русскими. Да и истинными англичанами нам тоже тогда не быть. Ведь у Диккенса и Честертона этой мысли тоже не найти. (А если говорить о распространении глагольной переходности в английском языке в большей степени, чем в русском, то это обусловлено аналитическими тенденциями его развития, что вовсе не говорит о том, что и другие языки должны развиваться в этом же направлении.)

Однако это обстоятельство не останавливает Михаила Эпштейна в его революционной лингвистической деятельности. Он готов распространить её и на английский язык, когда он не дотягивает в своих проявлениях до его революционных идей. Так его озаботили «самые непереходные» экзистенциальные глаголы: *быть, существовать, становиться, жить, умирать, возникать, исчезать ...* Он замечает:

«Даже в английском языке, где глаголы движения, как правило, «опереходились», глаголы существования остаются сугубо непереходными: be, exist, live, die, emerge, disappear... У этих глаголов, однако, тоже есть свой транзитивный потенциал, не только разговорно-практического, но и метафизического свойства. Подчеркнём: транзитивация нужна не только русскому, но даже и весьма транзитивно развитому и все-таки

ещё грамматически недостаточно гибкому английскому языку».

Почему же так обязательно необходима «транзитивация» глаголам существования в русском и английском? Оказывается, по причинам сугубо богословским:

«Чтобы выразить отношение Бога к людям и ко всему сущему (Выделено нами – Л.Я.), стоило бы использовать экзистенциальные глаголы именно в переходном значении, что запрещено нынешней грамматикой. Но мысль о Боге взрывает грамматику».

Уточним: мысль Михаила Эпштейна о Боге взрывает грамматику. Интересно узнать, как ему удалось постигнуть «отношение Бога к людям и ко всему сущему», которое он намерен выразить с помощью «транзитивации» глаголов существования?

И совсем уж демоническим выглядит проект автора уравнивать людей и Бога в образе грамматического субъекта глаголов существования после их «транзитивации»:

«Быть, существовать, жить, исчезать кого-то – значит делать так, чтобы кто-то был, существовал, жил, исчезал».

Но, если следовать такой рекомендации, то в переводе на русский (до его «транзитивации») *умереть кого-то* – соответствует глаголам *уморить, убить, погубить*. Почему же не устраивают лингвистического революционера данные глаголы? Или слишком прямо называют эти слова то страшное, что скрывается за генетически изменённым глаголом *умереть кого-то*? Но не слишком ли по-фарисейски звучит фраза «Он умер человека»? Хотя для случаев эвтаназии может пригодиться. Но не по-Божески это, да и не по-человечески! И русский язык правильно сделает, если будет сопротивляться подобной операции над собой. Иначе получится генетически изменённый продукт, опасный для жизни...

Если следовать духу русского языка...

Глаголы нашего языка остаются во всей своей непокорной самостоятельности, не поддающейся теоретическим объяснениям.

К. С. Аксаков

Философией грамматики русского языка до Михаила Эпштейна интересовались многие мыслители. Назовём хотя бы такие известные имена прошедших столетий, как М. В. Ломоносов, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов, А. А. Потебня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, П. А. Флоренский, И. И. Мещанинов. И в наши времена эта тема является важной, о чём свидетельствуют работы В. В. Колесова, К. И. Валькова, Б. М. Гаспарова, Н. Безлепкина, цикл статей в серийном издании сборника «Логический анализ языка» и др.

Как же определяли национальное своеобразие русского глагола наши мыслители? Делали они это всегда с любовью и не посягали никогда на внутренние законы жизни языка, хотя, конечно, иногда и горячились и приходили к излишне категоричным выводам. Так, например, известно, что К. С. Аксаков, исходя из того, что у форм русского глагола в речи нет постоянных значений времени, ошибочно считал, что в русском языке отсутствует грамматическая категория времени. Но из этого он вовсе не делал вывода о необходимости искусственно навязывать эту категорию языку. Напротив, он объективно показал, почему русский глагол не обладает сложной системой форм времени, характерной для германских и романских языков. Он выдвинул две причины. Первая причина заключается в том, что русский глагол, в отличие от глагола в других языках, обладает категорией вида и лексико-грамматическими разрядами способов глагольного действия, которые и призваны отражать характер протекания действия в пространстве и времени. Например: *бежать – бегать – побежать – сбегать – убежать – прибежать; думать – подумать – задумать – задумывать – при-*

думать – придумывать – подумывать и др. То есть для русского глагола важнее выразить **внутреннее качество действия**, а не его линейную последовательность во времени [5]. В связи с этим К. С. Аксаков писал:

«Глагол в Русском языке выражает самое действие, его сущность ... Язык наш обратил внимание на внутреннюю сторону или качество действия и от качества уже вывел по соответствию заключение о времени ... Вопрос качества, вопрос: как? есть вопрос внутренний и обличает взгляд на сущность самого действия; вопрос времени, вопрос: когда? есть вопрос поверхностный и обличает взгляд на внешнее проявление действия. Я нисколько не завидую другим языкам и не стану натягивать их поверхностных форм на русский глагол» [6].

Вторая причина, главная, лежит в особенностях русского национального мирозерцания. Современные исследователи справедливо отмечают, что «для Аксакова обнаруженное им языковое явление имело философское значение и позволило поставить вопрос о различии между рационалистически отвлечённой категоризацией жизненного опыта, составляющей, согласно славянофильской концепции, сущность западной ментальности, и органическим подходом, стремящимся проникнуть в суть бытия, – то, что является отличительным свойством русской культурной традиции» [7].

Мы не случайно обратились к мыслям К. С. Аксакова о русском глаголе, поскольку они представляются нам очень своевременными и полезными при рассмотрении вопроса о категории переходности в русском языке, поставленной в статье М. Эпштейна. Дело в том, что идея насильственной «транзитивации» **всех** переходных глаголов просто не осуществима с точки зрения грамматической системы русского языка. А с точки зрения национального духа этого языка просто кощунственна.

Как и грамматика любого другого языка, русская грамматика представляет собой систему систем. В ней

все единицы языка взаимосвязаны определённым образом, поэтому разрушение (или искусственное преобразование) одного типа слов повлечёт за собой обрыв многих соотношений в языке и приведёт к грамматическому хаосу. Трудно предсказать все эти катастрофические последствия, остановлюсь только на одной несуразности.

М. Эпштейн утверждает, что, научив всех употреблять непереходные глаголы вместе с существительными в винительном падеже (например, *Я его молчу. Я его хохочу. Я его сижу. Я его скучаю и т. п.*), он создаст со-глаголы: каждый непереходный глагол может приобретать функцию переходного. Однако с точки зрения русской грамматики этот процесс оказывается совсем не таким. **Непереходные глаголы сохраняют свою непереходность, даже если они будут сочетаться с винительным падежом существительного, поскольку этот падеж в конструкциях подобного типа обозначает вовсе не прямой объект данного глагола, а его субъект.** (Ср. подобное также происходит, когда от непереходных глаголов образуются существительные: *его молчание, его хохот, его сидение*). Ведь в приведённых выше примерах *молчат, хохотать, сидеть* будет всё-таки «он», которого заставляют это делать, а не «я», который заставляет «его». Семантическая специфика таких конструкций – выражение особого типа модальности: от значения «помогать кому-либо или чему-либо осуществлять действие» (*Там канава, прыгни лошадь*) до значения «насиленно заставлять кого-либо или что-либо совершать действие» (*А ну-ка исчезни! Или мы сами тебя исчезнем*). Примеры даны из статьи М. Эпштейна. Подобное модальное значение возникает в результате противоречия между лексической непереходностью глагола и формально-грамматической переходностью конструкции предложения, в котором он употребляется. Таким образом, результат подобной «транзитивации» будет заключаться не в увеличении запаса переходных глаголов в русском языке, как пред-

полагает М. Эпштейн, а в другом. **Подобное преобразование может спровоцировать широкое развитие семантики «жесткой» модальности речи и мыслительной категории волюнтаризма.** Только в неволе, в местах лишения свободы, можно заставить человека производить действия или впадать в состояния, которые являются по своей природе проявлением только его **собственной воли, его собственного выбора.** А именно такие действия и состояния обозначаются в русском языке непереходными глаголами. Нужно ли такое новшество русскому языку и нашему обществу?

Мы приветствуем процитированную автором мысль Гумбольдта о том, что «глагол – нерв самого языка», «глагол главенствует и является душой всего речеобразования» [8]. Однако трудно согласиться с М. Эпштейном, когда он пытается определить единую для всех языков меру глагольности, а если какие-то языки до этой меры не дотягивают, то считать эту их особенность несовершенством. По его мнению, именно переходность *«является душой глагольной системы, мерой глагольности глагола»*, а вот русский язык, *«на протяжении многих веков своей истории ... впадал в непереходность»*.

Однако ещё академик И. И. Мещанинов, исследуя грамматики разных языков, установил, что степень глагольности глагола зависит не только от него самого, но и от других частей речи, то есть от их системы в целом, а также от синтаксиса [9]. Приведём некоторые доводы в защиту глагольности русского глагола, а именно непереходных глаголов, на которые и направил свою революционную разрушительную силу М. Эпштейн.

В отличие от переходных глаголов, которые обязательно требуют прямого дополнения, непереходные глаголы, не требующие этого, являются не только «нервом самого языка», но и **смысловым центром высказывания.** Сравним: *Я сплю* (неперех. гл.) и *Я вижу* (перех. гл.) *сон ... (дом, небо, собаку, брата и т. п.); Холодает* (неперех. гл.) и *Ветер* (*дождь* и т. п.)

холодит (перех. гл.) *щёки* (лицо, руки, грудь и т.п.); *Несётся* (неперех. глаг.) *автомобиль* и *Иван несёт* (перех. гл.) *корзину ... (чемодан, ребёнка и т.д.)*. Таким образом, переходные глаголы требуют обязательного сочетания с существительным, обозначающим прямой объект, а непереходные этого не требуют. В силу этого переходные глаголы, особенно при активном развитии полисемии, должны обслуживаться большим количеством различных имён существительных в винительном падеже. Кроме приведённых выше примеров, см. также: *класть платок в карман (краски на холст, масло в кашу, печь из кирпича, начало делу и др.)*. Следовательно, можно сделать вывод: чем больше в речи переходных глаголов, тем больше в ней и существительных, с которыми они совместно выражает смысл высказывания. Эта особенность переходных глаголов приводит к значительному увеличению частоты употребления существительных в речи.

В то же время, чем больше в речи **непереходных** глаголов, тем меньше в ней имён существительных, тем больше наша мысль сосредоточена на действии, состоянии и процессе.

Сравним два отрывка из «Евгения Онегина». Первый отрывок насыщен переходными глаголами, которые обязательно влекут за собой и существительные:

*Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь –
Всё это мужа не спросясь.*

Во втором отрывке лидируют непереходные глаголы:

*Увы! На жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...*

*Так наше ветреное племя
Растёт, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.*

Можно привести бесконечное число других примеров самодостаточности непереходных глаголов для создания образной русской речи.

Безусловно, и в предложениях с непереходными глаголами тоже могут быть косвенные падежи существительных, выполняющие функции различных обстоятельств или косвенных дополнений, но они появляются на тех же основаниях и с такой же частотой, что и в предложениях с переходными глаголами, которые к тому же всегда обременены существительными-дополнениями.

Очень заметно, что именно в первом отрывке с переходными глаголами субстанциональность речи и мысли несравнимо выше, чем во втором – с непереходными глаголами. Так что напрасно М. Эпштейн противопоставляет существительные и глаголы, говоря о том, что в русском языке ощутим недостаток переходных глаголов и поэтому в нём возникла «диктатура существительных и прилагательных». Тем более следует учитывать, что в разных функциональных и художественных стилях соотношение глаголов и имён существительных и прилагательных значительно колеблется, поскольку использование этих частей речи подчиняется не искусственным каменным нормам, а живому духу языка, как, например, в следующем стихотворении архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского), в тексте которого используется всего пять глаголов, два переходных и три непереходных, но «диктатуры существительных и прилагательных» совершенно не чувствуется:

ГОРНЫЕ РОЗЫ

*Есть много знаков у кустов Синая,
Ожогов и окалин бытия.
И поднимается душа моя,
Ещё огня последнего не зная.*

Всё ближе синева, трудней дыханье,
Последний воздух *берегут* уста,
И *тает* утомительное знание
Пред розами горящего Куста.

1971 г.

В стихотворении отражено свободное движение духа лирического героя в Божественную высь. Именно *свободное движение!*

Парефразируя Ф. М. Достоевского, я утверждаю: если бы даже М. Эпштейн всех убедил, что истина на его стороне, я бы всё равно выбрала не его генетически модифицированный языковой продукт, а великий русский язык Пушкина и русской классической литературы.

Призрак транзитивной философии

Впрочем, М. Эпштейн прямо ни на чём не настаивает, несмотря на революционность своего лингвистического проекта. Он только обвиняет русский язык и философствует. Проект «транзитивации» русских глаголов – это всего лишь прикладная сфера философии возможного, которую исповедует М. Эпштейн [10]. Небытийный смысл этого философского трансмодернизма раскрыт в статье В. А. Кутырёва, который пишет:

«Сейчас человечество устремилось в сослагательное наклонение. Философия третьей эпохи не скрывает своей **чистой условности**. Эта открытая форма значимости лишена всякого определённого значения. Она ничего не значит ни для мира, ни для индивидуума, ни для общественного благополучия. Она создаёт собственную, **чисто мысленную, не зависящую от эмпирических фактов историю событий и «космософию» возможных миров.** (Выделено нами – Л. Я.) [11].

Тем не менее, опасность для русской культуры здесь большая. Дело в том, что подобные проекты возможного генетического изменения русского языка нацелены

на изменение не только грамматического сознания тех, для кого этот язык является родным, но и на преобразование национального сознания в целом. Автор проекта считает, что русский язык до тех пор, пока он является «непереходным», не может справиться с задачей *«свободного мышления»*. У Эпштейна на этот счёт грандиозные планы:

«Конечно, сейчас мы находимся только на подступе к этому океану новых возможностей русского языка. Если бы переходность вошла в сознание всего языкового сообщества как переменчивая функция любого глагола, то через одно-два поколения у нас, возможно, было бы другое общество. Общество, которое не претерпевает существующего положения вещей, а само существует вещи, делает так, чтобы они существовали такими, какими оно хочет их и делает их».

Это высказывание лингвистического революционера показалось нам очень похожим на мысли одного из героев романа Достоевского «Бесы».

М. Эпштейн, как образованный филолог, прекрасно понимает:

«Грамматика – самая сильная и самая тайная из всех общественных идеологий. В обществе, которое столько раз было обмануто всеми идеологами, это единственная идеология, общая для всех носителей данного языка, а главное, всё ещё имеющая власть над умами, именно в силу своей бессознательной внедрённости в язык».

Именно эта концептуальная прочность и сила грамматики и привлекла М. Эпштейна. Он предполагает:

«Изменение грамматической модели может иметь более глубокие последствия в масштабе исторической судьбы народа, чем «стройки века», «днепрогэсы» и «газпромы».

Вместе с тем, он понимает, что *«изменить грамматику языка гораздо труднее, чем провести национализацию или, напротив, приватизацию собственности»*. После прочтения этой фразы возникают какие-то очень

тревожные ассоциации, поскольку мы все знаем, как *«проводили»* национализацию и приватизацию в России.

Однако не будем пугаться, а лучше подумаем о том, что в нашей современной жизни и культуре позволяет определённой части интеллигенции строить подобные миражи.

Нам представляется, что главная причина этого явления глубоко вскрыта и рассмотрена в книгах К. И. Валькова, в частности, в его книге, вышедшей в 2006 году, *«Азбука для самых грамотных»*. Её автор считает, что в современном мире постоянно «возникает и укрепляется *мифология проекционного схематизма*, которую можно охарактеризовать как **попытку жить и действовать внутри модели, а не внутри породившей эту модель Реальности**. Так иногда художник, пишущий картину, или рассматривающий её зритель увлечённо вживаются в «расплющенное пространство» живописного полотна, чувствуют себя как бы действующим лицом явленного на полотне воображаемого, условного мира» [12].

Именно приверженность мифологии проекционного схематизма вдохновляет М. Эпштейна, когда он заявляет в конце своей статьи:

«Сегодня нужны не просто критики, но и искусные инженеры языка, способные производить анализ языковой ситуации и на его основе – тончайшие синтезы новых слов и правил, новых моделей словосочетания и мыслепорождения. Лингвоинженер, законодатель (выделено М. Эпштейном), строитель языка – тот, кто создаёт новые знаки и меняет навыки мышления в обществе, – едва ли не самая нужная, хотя ещё и не востребованная фигура в России XXI века».

С мифологией проекционного схематизма, подменяющей собой Реальность, в данном случае реальную жизнь русского языка, связана **философия литоморфизма**. К. И. Вальков её определяет так:

«Когда неодушевлённому предмету приписываются свойства человеческой природы, то в ход идёт термин «антропоморфизм». А если, напротив, **живому чело-**

веческому слову, понятию придаётся статус вещи, конкретного явления, то как эту тенденцию или, если угодно, эту привычную программу следует назвать? Условимся использовать сходное по звучанию, тоже построенное на греческой основе выражение *литоморфизм*. То есть не человеку, а камню уподобление» [13].

Проводить операцию «транзитивации» или какую-либо другую над живым глаголом может только тот, для кого он является всего лишь вещью, камнем, а не живым организмом нашего национального сознания, нашей русской культуры.

* * *

Лингвистические химеры не менее опасны, чем политические. Опасно, когда за надуманными грамматическими схемами не видят реальности языка.

Но пока живы русские люди, будет жить и свободная река русской речи. Как сказал наш великий языковед А. А. Потебня: «Слово начинается в человеке, но никогда не кончается в нём».

Примечания

1. Эпштейн Михаил. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Журнал «Знамя», № 3, 2007. Далее в тексте приводятся цитаты из этого источника.

2. Обратный словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 940.

3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. С. 506.

4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: «Прогресс», 2000. С. 68.

5. Аксаков К. С. О русских глаголах // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 417.

6. Аксаков К. С. О русских глаголах... С. 414, 416.

7. Гаспаров Б.М. Лингвистика национального самосознания // Логос.– 1999.– № 4. С. 54–55; Безлепкии Н. Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. С.-Пб., 2002.– С. 72–74.

8. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков... С. 199, 267.

9. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи.– Л.: Наука, 1978.

10. Эпштейн М. Философия возможного: модальность в мышлении и культуре. СПб., 2001; Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.

11. Кутырёв В.А. Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии.– 2005.– № 12.– С. 6.

12. Вальков К.И. Азбука для самых грамотных.– С.-Пб., 2006.– С. 245.

13. Вальков К.И. Азбука для самых грамотных.– С.-Пб., 2006.– С. 248.